

Прогулка до покоев матери оказалась длиннее, по крайней мере так Джоффри казалось.

- Не в этот раз, Робар, - сказал он, когда рыцарь уже двинулся за ним. Протест сразу умер, когда он увидел лицо короля. Джоффри один шагал мимо мраморных статуй и искусно вырезанных шкафчиков, испуганные слуги сразу исчезали, лишь увидев его взгляд. Серсея будет жить в роскоши, в окружении искусства, золота и фрейлин из Западных земель. Птичка, запертая в золотой клетке, ради блага королевства.

- Сэр Джейми, - сказал он тихо.

Настоящий отец выпрямился, склонив голову, и продолжил наблюдать за последними дверьми:

- Ваша милость, - сказал он нейтральным тоном. Золотой рыцарь будет охранять золотую клетку, пока кто-то из них не умрет первым. Если Джоффри все удастся, то отец уже никогда не увидит Королевскую Гавань.

- Хорошо, что ты караулишь снаружи комнаты, - молвил король.

Сэр Джейми нахмурился, но Джоффри качнул головой, проходя внутрь, и захлопнул за собой дверь. Мать была на балконе; она повторяла его же собственную позу, в которой он недавно стоял на вершине Скалы. Однако Серсея смотрела на восток, а не на город; на округлые холмы Западных земель и городки, которые менялись на луга и поля для скота, прежде чем раствориться в лесу в пределах видимости, поглощенного белым горизонтом.

- Я отбываю сегодня, матушка, - сказал он, заложив руки за спину. Она не ответила, делая глоток из бокала в руке. Сначала она была там, в Королевской Гавани. Истерика переросла в уговоры во время путешествия по королевскому тракту, но уже у Желтого Зубца ее крики и рыдания заменились молчанием.

Он вздохнул, пощелкав пальцами по бедру, пока на устах появилась та умершая улыбка, за которой на мгновение пришла отвратительная гримаса.

- Я до сих пор люблю тебя, ты это знаешь? - пусто выдохнул он,

- Не знаю, как именно. После всего, что ты натворила... - он буркнул, - все же, до сих пор люблю.

Пурпур может пойти к черту, это была тайна, которую он никогда и не поймет.

Она не удостоила его взглядом, делая очередной глоток из бокала, пока ветер ерошил ее волосы. Когда-то он любил забавляться ими, когда был мальчиком, боявшимся темноты. Это его успокаивало. Роберт практически не считался с его существованием, но Серсея была его утешением в раннем детстве. Его прибежищем.

Она ухаживала за ним во время безумия, сотни лет назад, когда сознание сломалось после ряда самоубийств, когда он потерял желание жить. Она была единственной, кто занимался им и посещал, ухаживая его в постели год за годом, жизнь за жизнью, пока он жил и умирал в молчаливом отчаянии, слишком раздавленный, чтобы даже иметь возможность двигать собственным телом.

Вот что она могла предложить. Тишину.

Джоффри глубоко вдохнул, в груди словно разлился расплавленный свинец, бурля внутри.

Кисти скрутились в кулаки, кольчуга звякнула. Он осознал, что его трясет, что-то продирается наружу из рта, от чего аж зубы стучат.

- Я знаю, что я сын Джеймса.

Она обернулась. Бокал прикрыл мимику рта:

- Где это ты слышал такую лживую...

- Даже не начинай! - воскликнул он, указывая пальцем на нее. Палец видимо трясся, наруч щелкал о кольчугу. Он снова набрал воздуха в легкие, опуская руку вниз, и вытянулся:

- Даже не начинай, - сказал он ломким голосом.

Она побелела, словно зимний снег; вино пролилось вниз из полу перевернутого бокала.

- Не надо врать, мама. Пожалуйста. Никакой лжи, - сказал он, раз за разом моргая.

Она прижала ладонь ко рту, глядя на него, словно на бешеного зверя, на какого-то маньяка, требующего правды в мире, где правды не существует, и таким образом тишина вернулась; возможно она и в самом деле не могла говорить об этом без лжи.

Что я вообще здесь делаю?

Он не знал, однако все равно спросил:

- Почему?

Он взглянул в ее глаза, как будто она была атакующим рыцарем, и едва произнес:

- Я хочу знать, почему.

Она сжала челюсти, пытаясь скрыть страх, гордыню, жажду и шок. Серсея колебалась, увядая под пристальным взглядом. Джоффри и не знал, что именно чувствует: гнев, разочарование, отчаяние, ярость, любовь. Наконец она ответила.

- Он дополняет меня. Я люблю его, Джоффри.

Король склонил голову, сжав веки, сквозь которые брызнули слезы. Он приложил всю силу воли, чтобы открыть глаза, как - то сумев произнести привычным голосом:

- Прощай, мама.

Юноша развернулся, увидев открытую дверь; сквозь нее на него смотрел Джейми, у которого едва не отпала челюсть:

- Джоффри, я...

- Молчи, - сказал он.

- Я должен тебе...

- Ни слова. Никогда, - сказал он сдавленным голосом, - иначе я убью тебя.

Он так бы поступил.

Клянусь Пурпуром и кометой, я убил бы его прямо здесь, где он сейчас стоит.

Джейми Ланнистер промолчал, но его глаза рассказали все: страх и тоска, гордость и разочарование. Джоффри заставил самого себя отвести взгляд, прежде чем тот сможет прочесть его эмоции, и пошел к двери, однако сохраняя как можно большую дистанцию с ним.

На противоположном конце коридора он встретил лорда-командующего Серебряных рыцарей.

- Отправляемся домой, Робар, - сказал он ему.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/61076/2017512>